

ЕСЛИ БЫ НЕ Я

Привет! Вы готовы услышать историю обычной пятнадцатилетней девчонки, которая влюбилась в самого невыносимого парня из своего класса? Когда я поняла, что мир рухнет, если он не обратит на меня внимания, решила сделать все возможное, чтобы стать его подружкой. Знакомо? Скажете, банально до боли? Именно так. Но это случилось, и это случилось со мной! Женя Беглов, для друзей Жека, самый беззастенчивый, самоуверенный парень через неделю устраивал вечеринку в свою честь, точнее в честь своего дня рождения. Шанс на нее попасть у меня и моей лучшей подруги Лизы был ничтожно мал. Поэтому мы облазили все сайты с заголовком «Как привлечь внимание мальчика из своего класса», и как только план был готов, сразу приступили к его реализации. Такие как Женя точно не любят тихонь, поэтому я решила, что пора перестать быть пай-девочкой и стать активной, дерзкой, чтобы, наконец, привлечь его внимание. Наша литераторша, Виолетта Сергеевна, уже пожилая женщина, собирающаяся на пенсию, рассказывала нам о «многомерности человеческой души». — В «Преступлении и наказании» поставлена нравственная проблема ответственности человека за преступление не только перед законом, но и перед собой, перед своей совестью. Это плач о душе человеческой, оказавшейся в тяжелых условиях бытия. Я решила, что пора, мой выход, и подняла руку. — Вероника? Ты хочешь что-то сказать? — Да, хочу спросить. Знаете, у нас сейчас куча народа существует в тяжелых условиях бытия. И тогда скажите — зачем нам, подросткам, учиться размышлять или рассуждать? Чтобы запутаться в этом многообразии жизни, а потом всю оставшуюся жизнь искать выход, как большинство людей старшего поколения? Не лучше ли оставаться бездумной молодежью?! Если мы кому-нибудь и причиняем вред, то только себе. Если я добивалась внимания Жеки, то здесь была полная победа. Но только помимо его одобрительного, внимательного взгляда на меня смотрели ошеломленные глаза Виолетты. — Довольно странно это слышать от тебя... Но вопрос задан... Во-первых, человек не может причинить вред только себе, не задев этим близких или окружающих людей. Мы — единая система. А во-вторых, умение размышлять — это то творчество, которое отличает нас от животных. А неумение размышлять о последствиях приводит к большинству катастроф. Если бы я тогда хотя бы чуть-чуть задумалась над этими словами! Хотя бы на секунду услышала, что она хотела мне сказать. Но нет, мы не такие! Мы бежим за своими желаниями, не видя и не слыша ничего вокруг! Тогда я произвела фурор. И уже на перемене ощутила его первые результаты. — Не знал, что ты умеешь говорить, — Жека стоял так близко, и от него пахло чем-то запретным и притягательным, — может ты и не такая тихоня? Потом я еще три дня грубила учителям, впервые получила две двойки и вела себя вызывающе. В конце концов, я и Лиза были награждены приглашением на вечеринку. Вся следующая неделя была посвящена созданию новых «ультрасовременных» образов, что окончательно добило моих родителей. Но в своем чувстве я была непреклонна. Все мои мысли были заняты только одним — что он скажет, и как я отвечу. И вот эта долгожданная суббота наступила. И, как часто бывает в подобных случаях, что-то пошло не так. Родители решили, что именно сегодня пришла пора серьезно поговорить о моих начавшихся проблемах в школе. Младший брат обиделся, что я не выполнила свое обещание с ним погулять, и спрятал все мои новые украшения, которые составляли суть моего придуманного образа. В завершение ко всему, бабушке стало плохо, и родители решили свозить ее к врачу, оставив на меня обиженного Илью. В результате в кафе я пришла, когда уже все возможные возможности прошли, и все уже давно отрывались под электронную музыку. Было сложно войти в этот непривычный ритм, и я чувствовала то, что называют «одиночеством в толпе», но вдруг меня подхватили, и знакомый до волнения голос стал кричать в мое ухо: — Привет, скандалистка! Мы тебя тут заждались. Давай, быстро подкрепись и к нам. Все сразу встало на свои места. Он меня ждал, он меня заметил! И тут подлетела красная, разгоряченная Лиза. —

Ты чего так долго?! Я в первый раз на такой вечеринке! Спасибо тебе, если бы не ты, меня бы никогда сюда не позвали! Здесь та-ак круто! Ты идешь танцевать? — Ты иди. Я сейчас приду. Я смотрела на танцующих и почему-то представила глаза Виолетты Сергеевны. Если мои слова вызвали в ней столько эмоций, что бы с ней было, если бы она увидела этот триумф безумия в действии? Постепенно, погружаясь в этот ритм, в это состояние забытья, далеко уносящее от реальности, я почувствовала, что мной овладевает желание идти танцевать, как они. И не думать о проблемах, доме, школе... Но тут что-то мелькнуло внутри меня, а может быть не внутри, а снаружи? Но мелькнуло так быстро, что я могла не заметить. Могла подумать, что мне показалось, но внимательная к своим ощущениям, я подняла глаза и прямо перед собой, за окном кафе, увидела парня, который пытался из одной руки переложить в другую внушительную стопку книг, перевязанную по старинке старой бечевкой. Можно было бы не обратить внимания на этого чудика, но что-то очень знакомое было в его лице и в том, как он морщил нос. Точно! Это был Глеб Ветров! Моя первая любовь с первого по второй класс. Потом он переехал в другой район, поменял школу, и я его больше никогда не видела. Но как он появился здесь, и именно сейчас, когда я уже решила пуститься во все тяжкие, оставалось для меня загадкой. Я вскочила с места и выбежала на улицу, боясь, что он переложит свой антиквар и уйдет. — Привет! — я встала перед ним и загородила ему путь. — Привет! — Глеб выглядел спокойным, уверенным и безумно красивым. — Даю тебе десять секунд, чтобы меня опознать. Иначе ты на веки вечные убьешь мою самооценку. — Предлагаю поберечь твою самооценку и сэкономить десять секунд. Вероника Ступина, сама умная и красивая девочка 2 «А» класса. Я, конечно, была ошеломлена, но не подала виду. — Это в прошлом. Сейчас, как видишь, в тренде не очень умный и однотипный формат. — Он, не смущаясь, оглядел меня, то есть мой новый образ, и перевел глаза за мою спину. — Ты же не с ними? Я обернулась и увидела ребят с нашей вечеринки. Лиза стояла с ними. — А что тебя в них не устраивает? Чем ты лучше их? Тем, что таскаешься по улице со стопкой старых книг и не знаешь, что уже давно изобрели электронные библиотеки? — Я иду из «Букиниста». Просто когда читаешь книгу, все по-другому. Прости, не хотел говорить ничего плохого о твоих друзьях. Просто... я помню тебя совсем другой. — Другой? Интересно. И какой же ты меня помнишь? — Ты мечтала быть самой великой из всех актрис. И устраивала везде эти постоянные спектакли, помнишь? А еще мы договорились, что когда ты станешь настоящей актрисой, то я подарю тебе плюшевого медведя. — Нет, не помню. Я и вправду уже давно об этом не вспоминала, и мне было неприятно, что он напомнил мне. Но в это время случилось что-то еще более отвратительное, потому что к нам подошел Жека. — Ой, а вот и Никуся! А чего ты тут стоишь?! Давай шевелись, а то самое интересное начнется без тебя. Его вид, развязная манера себя вести и говорить выглядели так неуместно в этой ситуации. И вел он себя так, как будто я стою одна. — Да. Иди. Я сейчас приду. На мое счастье его позвали, и я решила, что, пока до конца не уронила лицо, надо быстро попрощаться с Глебом, но тут мои глаза наткнулись на его потрясающую улыбку. — Что?! Никуся?! — Молчи! Вот прямо сейчас, лучше молчи! — Это твой парень? — Почти. Если я еще тут с тобой чуть-чуть постою, то «почти» уже не случится, так что я пошла. — Думаю, что уже поздно... Глеб показывал за мое плечо. Я оглянулась, но лучше бы этого не делала. Жека стоял и обнимал... Лизу! Даже не просто обнимал, он что-то шептал ей на ухо, а она краснела и глупо хихикала. На моих глазах парень, в которого я влюблена, обнимает мою лучшую подругу! Но Лиза?! Она же знала, как я добивалась, чтобы сюда попасть. Чего мне стоила эта неделя: испортились отношения с родителями, учителя думают, что я скатилась ниже некуда. А она, лучшая подруга, ушла с моим будущим парнем... Чтобы как-то сохранить жалкие остатки достоинства, я повернулась обратно к Глебу и улыбнулась, как смогла. — Пойдем, я помогу донести твою старье. — Не старье, а старину. Стоимость разная. Я еще раз остановилась и посмотрела туда, куда меня так манило, но где мне не нашлось места. — Только, раз уж я ушла, сделай так, чтобы я об этом никогда не пожалела. Моя жизнь должна стать разноцветным фейерверком и дождем из шоколадок. — Может, тогда лучше вернешься? Я не помню, засмеялась я тогда или заплакала. Кажется, что все вместе. Глеб держал будильник над моим ухом. Это было ужасно! Я для себя решила, что тот, кто пустил его в

мои покои в воскресенье утром, будет казнен. — Мучитель! Оставь мне привилегию спать в выходной! Я в депрессии! Я должна плакать и придаваться горю! — Кто не имеет воли, не имеет ни-че-го! — Скучно! — я закрыла голову подушкой, но это не помогло. Противный звук пробирался сквозь толщу пуха. И вот мы стоим за кулисами не знаю чего, на кастинге, не знаю куда. И этот сумасшедший хочет, чтобы я вот так, без подготовки, вышла на сцену?! — Никогда. — Дыши. Дыши медленно. — Ни за что! Я ничего не помню, я опозорюсь. — Нужен эффект неожиданности. У тебя есть любимое стихотворение, которое ты знаешь досконально? — «Письмо к женщине» Есенина. — Хорошо. Читаешь его. — Нет! Это мужская партия. Я девочка. Я не буду это читать, — я стояла и ныла, как ребенок. А на самом деле мне было так страшно, что подкашивались ноги, руки и вообще все, что только может подкоситься. И тут я услышала свою фамилию. — Так! Тебя вызвали. Быстро, вся сожмись. Сильнее! Напрягись изо всех сил! Я вся напряглась и сжалась, зажмурилась, как могла. И когда я уже решила, что сейчас лопну, услышала громкий голос Глеба: — Резко расслабься! Не успела я выдохнуть, как Глеб вытолкнул меня на сцену. — Читай! От страха меня понесло. Я шла, как во сне, и говорила, говорила... Вы помните, вы все, конечно, помните, Как я стоял, приблизившись к стене. Вздвонно ходили вы по комнате И что-то резкое в лицо бросали мне. Вы говорили: нам пора расстаться, Что вас измучила моя шальная жизнь, Что вам пора за дело приниматься, А мой удел — катиться дальше, вниз... Любимая! Меня вы не любили. Не знали вы, что в соннице людском Я был, как лошадь, загнанная в мыле, Пришпоренная смелым ездоком. И тут я оказалась на краю сцены. Но мне легче было идти и читать, и поэтому я, не раздумывая, начала спускаться вниз со сцены, туда, где сидела комиссия. Пройдя круг почета, я опять поднялась на сцену и закончила читать как раз на середине. На меня из зала смотрели удивленные, проснувшиеся люди. — Может быть, представитесь? — Вероника Ступина. — А почему вы выбрали мужской репертуар? — Я читала письмо, которое получила. В этом случае это же женский репертуар? — Да, но вы его читали не с позиции женщины. — Я просто очень сильно чувствовала, что он чувствует. Мы шли с Глебом по набережной. Мы смеялись и не могли остановиться. — Это был позор! Как они меня взяли? — Может быть, они искали такую чудаковатую девчонку? — Что?! Как ты сказал? Чудаковатую?! Откуда ты берешь эти дурацкие слова? В своих нафталиновых книжках? — Зато они не дают тебе скучать. Считаю, это вместо шоколадного дождя. — Ну, уж нет. Замена так себе. На улице было холодно. Низкое, серое небо Петербурга повисло, как нечто неотвратимое. Глеб посмотрел на меня серьезно. — Что ты скажешь завтра своей подруге? — Лизе? Сомневаюсь, что мы еще подруги. Ничего не скажу. Я не собираюсь с ней разговаривать. Но разговаривать и не понадобилось, потому что в школу Лиза не пришла, а я ей не позвонила. Она не пришла и на следующий день, и потом не пришла тоже. Может быть, ей было стыдно? Жека тоже был необычно тихим и пришибленным. Что мне тогда помешало самой позвонить Лизе? Моя гордость, обида? Но мне было бы легче, если бы я позвонила ей первой. Всю неделю я целыми днями пропадала на репетициях, а иногда вечерами сидела с Глебом в уютном кафе. Он угощал меня вкусной пироженкой и, как мог, пытался отвлечь от мыслей о несостоявшейся любви и потерянной подруге. Звонок раздался в субботу, когда я в раздевалке переодевалась для выхода на сцену. Лиза говорила так тихо, почти шепотом, что мне приходилось сильно напрягаться, чтобы расслышать все, что она говорила. — Меня забирают из школы. Я на том дне рождения сильно отравилась, лежала в больнице. Родители подняли скандал. Пытались выяснить, с кем я была и где. Они ничего не знают про Жеку, а я не хотела, чтобы меня на всю школу опозорили. Лиза плакала. Тихо, жалобно, как побитая собачка, а я молчала, просто не могла ничего выговорить. — Ты сильная, ты знаешь, чего хочешь. А я тогда как с ума сошла, так - радовалась, что они меня приняли. Прости меня! Прости меня, пожалуйста! У меня, кроме тебя, никого нет. — Не придумывай. У тебя все есть, включая меня. Надо было тебя с собой забрать, о чем я думала? Все, что случилось — уже случилось. Лиза заплакала сильнее, и я заплакала вместе с ней. Мне стало стыдно, что я так быстро отказалась от подруги, я оставила ее там, а главное даже потом не позвонила. Мы ревели с двух сторон трубки, пока я не прервала нас обеих. — Знаешь что, пойдём

в театр? — Театр? Я не могу, у меня нет сил куда-нибудь выходить из дома. — У кого нет воли, у того нет ничего! — Что? — Знаю, скучно. Но работает. На уроке литературы Виолетта Сергеевна, задавая этот вопрос, смотрела прямо мне в глаза. — Так как вы думаете, почему Наташу Ростову увлек ветреный и безответственный Куракин? Я подняла руку и, не дождаввшись разрешения говорить, встала. — Мы думаем... — Кто это мы? — Девчонки. Мы думаем, что за этой наглостью и развязностью обязательно скрывается мужественная, сильная, интересная личность, способная нас защитить. Такой образ рыцаря-разбойника. А когда разберешься, приглядишься повнимательнее, то оказывается, что ничего там нет, — я посмотрела на Жеку, — ни ума, ни воспитания, а тем более мужественной интересной личности. Жаль только, что понимаем мы это поздно, как Наташа Ростова. Кому-то помогает понять случай, а кому-то катастрофа... Я села. В классе было тихо. Никому больше не хотелось говорить. Через несколько дней у меня состоялась премьера. Как же я была счастлива своей маленькой ролью! Мне, казалось, что все встало на свои места. После цветов и оваций мы с Глебом сидели в нашем уютном кафе на Невском. Я немного успокоилась и выдохнула. — Глеб, скажи, а если бы я тебя тогда не встретила, что бы со мной было? Меня, как Лизу, забрали бы из школы? Я тогда была совершенной дурой и - могла сделать кучу всякого, от чего потом тошно. Как быть тем, кому не с кем уйти? У кого нет никого рядом? — Вероника, всегда есть тот, кто поможет. И давай честно, ведь меня тоже нет. Есть только твое богатое воображение, которым ты славилась с детства. Тебе в тот момент нужен был кто-то, и ты выдумала меня. Но я тебе не нужен, ты со всем справилась. И все, что ты сделала, ты сделала сама. Я сидела в кафе одна. Я всегда была одна и прекрасно это знала. А это была так, моя игра. В моей голове кадр за кадром пронеслись сцены последнего месяца. Как я стояла около кафе и смотрела на смущенную Лизу и на Жеку. Как я всю ночь в интернете лихорадочно искала театр, куда бы меня могли взять, и как заранее поставила себе будильник. Мой кастинг, репетиции и много, много борьбы. Виолетта Сергеевна права, мы должны размышлять, иначе неизвестно какими мы вырастем, и что нас ждет. Я встала из-за столика и пошла по заснеженному Петербургу, который, как верный друг, всегда подставит свое каменное плечо. В ближайшем магазине я купила плюшевого медвежонка и поехала к нему. Пора было познакомиться с Глебом Ветровым. Его мама проводила меня к нему в комнату. — Глеб, к тебе пришли. За письменным столом сидел он, мой друг детства — сильный, умный и с добрым взглядом. — Привет! — Привет! Даже не знаю, чем заслужил, что ко мне в гости пришла сама Вероника Ступина. — Я сегодня стала актрисой. Вот, принесла тебе медведя, которого ты должен мне подарить. Вот, пожалуй, и все. Может быть, моя история покажется кому-то незначительной выдумкой, но тогда я скажу: «Не торопитесь судить. В нашей жизни бывает все. Но побеждает тот, у кого есть Воля и Мечта»